

Алексей Евгеньевич Козлов

Институт филологии СО РАН
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
✉ alexey-kozlof@rambler.ru

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-46-49

ЛИТЕРАТОР НАТУРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАРИКАТУРАХ И ФЕЛЬЕТОНАХ (К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕПУТАЦИИ Д. В. ГРИГОРОВИЧА) *

Литературная репутация писателя как модус восприятия его личности в синхронии и диахронии [Акимова, 2002; Дубин, 1994] представляет явление пограничное: существуя между критикой и популярными историями литературы, она в то же время принадлежит устной сфере молвы и слухов. Важное, хотя и второстепенное значение в вопросах ее изучения имеет сфера карикатур и шаржей: закрепляя стереотипы, часто связанные с внешностью и портретными особенностями, она соприкасается и с художественными особенностями произведений.

Примечателен и обратный процесс, построенный не на индивидуализации портрета, а, напротив, — его типизации [Bourdieu, 1996]. В этом отношении показательны шаржи, появившиеся на страницах журнала «Ералаш» в 1848 году. Основанный М. Н. Неваховичем, «Ералаш» выходил с 1846 по 1849 год, открыв таким образом дорогу другим иллюстрированным еженедельникам сатирической направленности [Ямпольский, 1964]. За исключением «Шествия во храм Славы», сатирически освещающего ожидание второго тома «Мерт-

---

© А. Е. Козлов, 2021

* Материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 21-78-00011.

вых душ», «Ералаш» практически не затрагивал литературно-журнальное поле, поэтому эмблематизация беллетриста натуральной школы кажется особенно примечательной, заставляя увидеть в ней, наряду с полемическими выпадами Ф. В. Булгарина и водевилями П. А. Каратыгина, Н. И. Куликова и пр., осознанную тактику, направленную на дискредитацию реалистической литературы.

В основе собирательного портрета литератора натуральной школы отразились черты Дмитрия Васильевича Григоровича. В своих воспоминаниях он так оценил происходящее: «Не обошлось, конечно, без насмешек со стороны ненавистников реального направления литературы; в „Ералаше“ я был изображен в виде франта, роющегося в навозной куче, между тем как из ближайшего окна баба выливает мне на голову шайку помоев; внизу была надпись такого рода: „Неудачное отыскивание Акулин в деревне“». Заметим, что Григорович

Литератор натуральной школы: «Он не столь хоть виден, Да сытно» (Крылов, кн. II, басня 18)

Литератор натуральной школы изучает не совсем удачно нравы и сердце Акулин в деревне

«смешал» два изображения, каждое из которых имеет свое значение и эмблематику.

Оба шаржа объединены тематически: молодой человек, одетый с тщательностью петербургского франта, буквально «соприкасается» с народной средой [Отрадин, 1982], точнее, с ее изнанкой. В обоих случаях «наблюдатель» терпит неудачу: мизансцены запечатлевают столкновение светского и народного, франтовского и крестьянского, мужского и женского с водевильной отчетливостью. Так, на первом рисунке «литератор», отыскивающий «сюжет» в навозной куче, сопоставлен с героем басни И. А. Крылова — петухом. Такое сопоставление провоцирует читателя продолжить: *«Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то всё у них пустяк»*. Второй шарж проблематизирует стиль деревенской прозы, сочетающей сентиментализм карамзинского типа с даггеротипным очерковым изображением.

Оба изображения связаны с восприятием дилогии «Деревня» и «Антон Горемыка». Не имея прочной репутации, Григорович, с одной стороны, укрепил свои позиции посредством этих повестей, ставших его визитной карточкой. С другой же, подвизаясь на поприще и «Отечественных записок», и «Современника», обращаясь то к светской, то к крестьянской темам, Григорович стал для своих современников воплощением литературного легкомыслия (к этому обвинению присоединялось, похожее на инвективу, указание на французское происхождение беллетриста). Несмотря на сиюминутность рассматриваемых шаржей, можно констатировать, что в них, судя по отзывам критиков и современников, запечатлелся «стандарт» восприятия и произведений, и личности Григоровича, причем не только 1840-х, но и двух последующих десятилетий.

В этом отношении «возвращение» Григоровича к беллетристике и его «Литературные воспоминания» в конце XIX века могут интерпретироваться сквозь призму борьбы с молвой и слухами, нашедшими своеобразное закрепление в шаржированных изображениях.

А. Е. Козлов

Литература

Акимова Н. Н. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002.

Дубин Б. В. Литература как социальный институт. М., 1994.

Отрадин М. В. Григорович и Кольцов: К проблеме народного характера в русской литературы 40-х годов XIX века // Вестник Ленинградского университета. 1982. Вып. 1. № 2. С. 38–45.

Ямпольский И. Сатирическая журналистика 1860-х годов. М. : Художественная литература, 1964. 624 с.

Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.